

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

R. F. Salisbury. *From stone to steel. Economic consequences of a technological change in New Guinea*. Melbourne, 1962, XXI+237 стр.

Этническая группа сиане (Новая Гвинея), которой посвящена рецензируемая книга, впервые открыта европейцами в 1933 г. Однако это было случайное посещение колониального патруля, после чего вновь наступил период изоляции. Только в 1945 г. к сиане пришли европейцы. Австралийский этнограф Солсбери (ныне он работает в Колумбийском университете) изучал культуру и быт папуасов сиане в 1952—1953 гг. в течение года. Судя по его описаниям, он довольно хорошо овладел местным языком, что позволило ему детально изучить экономическую и социальную жизнь.

Группа сиане — сравнительно небольшая, около 15 тыс. человек. Как и всюду на Новой Гвинее, она не ограничена резко от соседних групп ни по языку, ни по культуре. С другой стороны, в рамках этой группы есть заметные различия между жителями разных районов. Автор выделяет 16 подгрупп, которые он называет «племенами». Мы предпочитаем называть их подгруппами, так как некоторые из них экзогамны, что племени не свойственно. В каждой из этих подгрупп насчитывается от 400 до 2000 чел. Все их объединяет то, что они живут по соседству, говорят на сходных диалектах, близки по культуре и употребляют в виде приветствия одно и то же слово «сиане».

Солсбери собрал в поле материал для книги о социальной структуре и религии сиане. Он написал в 1954 г. исследование на эту тему, но оно не было опубликовано (причины не указаны). Тогда он решил написать книгу об экономических последствиях замены каменных топоров железными.

В истории сиане был период (1933—1945 гг.), когда к ним проникали некоторые предметы европейской культуры, в первую очередь железные топоры, но не прямо от европейцев, а косвенно, через посредничество соседних папуасских групп. Автор рассказывает о том, как попавшие в руки сиане железные топоры сначала применялись только в обрядах, а потом — в трудовой деятельности. Что касается первых увиденных европейцев, то папуасы приняли их за духов мертвых («макана ве»; старики до сих пор называют европейцев этим термином). Папуасы собрали тогда оставленные колониальным патрулем пустые консервные банки, обрывки бумаги, объедки и принесли в мужской дом. Над этими предметами были совершены магические действия с целью превратить их в ценные для сиане раковины. Когда все попытки окончились неудачей, папуасы пришли к выводу, что европейцы — не духи мертвых, а обычные люди. На этом общение их с европейцами вплоть до 1945 г. кончилось.

Автора в первую очередь интересует именно этот период, когда сиане получали железные топоры, не испытывая при этом колониального гнета. В условиях капитализма, в центре колониального мира, это, действительно, редкий случай, заслуживающий изучения. Спустя некоторое время, у каждого из мужчин было по железному топору, а то и по два. Замена каменных топоров железными означала для сиане повышение производительности труда. Теперь у них на расчистку участка от леса и возведение забора вокруг огородов уходит втрое меньше времени, чем раньше. Постройка мужских домов и семейных хижин также стала требовать меньше усилий. Правда, облегчение труда коснулось только мужчин. Труд женщин, не связанный с применением топоров, остался прежним.

В этот период сиане продолжают жить родовыми общинами, сохраняют родовую экзогамию, раздельное жительство полов (мужчина — в мужском доме; женщина и дети — в семейных хижинах), обряды посвящения подростков и другие черты самобытной культуры. В каждой деревне (в среднем 200 чел.) живут мужчины, принадлежащие к одному роду, а также их жены, дети и незамужние сестры. После замужества сестры уходят жить в другие деревни, к своим мужьям. Дети принадлежат к роду отца. Деревня состоит из 3—4 мужских домов и 50—60 семейных хижин. Она делится на кварталы, центром каждого из них является мужской дом. Хозяйственная жизнь течет по прежним общинно-родовым нормам: землю владеют совместно, обрабатывают ее сообща. Есть земля, которая принадлежит родовой общине в целом: земля, принадлежащая группам, живущим в мужском доме; земля, принадлежащая частям этих групп (lineage). Обработка огородов на этих землях производится соответствующими группами людей. В жизнь сиане входят новые предметы (европейского происхождения), возникают новые потребности. Автор прослеживает процесс изменения культуры довольно обстоятельно. В целом это — изменения в деталях, образ жизни остается прежним.

Автор тщательно реконструирует доевропейский образ жизни, чему посвящены гл. 2 «Природная среда и социальная организация» и гл. 3 «Самобытная экономическая жизнь». Это — лучшие главы книги. Полностью изложить ценный фактический материал, содержащийся в них, здесь невозможно из-за отсутствия места. Отметим лишь некоторые наиболее яркие моменты. Труд между полами поделен таким образом, что на долю мужчин приходится все работы, требующие применения топора (в прошлом — каменного, ныне — железного). Мужчина без топора «подобен женщине» (стр. 49).

Ямс и сахарный тростник считаются мужскими растениями, потому что для них необходимы деревянные опоры, изготавливаемые при помощи топоров. Мужчины очищают участок от леса, возводят забор, строят мужской дом, семейные хижины. При этом обычно около 30 мужчин (живущих в одном мужском доме) работают совместно. Женщины сажают клубневые растения, производят прополку, собирают урожай, изготавливают одежду, смотрят за детьми. В обязанности женщин входит также уход за свиньями. Обычно они работают на огородах недалеко друг от друга, но каждая делает свое дело самостоятельно. Весьма интересны отношения собственности. Хотя автор и не употребляет особых терминов, но, по существу, он различает собственность, владение и пользование. Земля находится в собственности родовой общины. Отдельными участками этой земли владеют мужские дома: обрабатывают их, собирают урожай, передают по наследству в пределах своей группы; но родовая община в целом может в любой момент распорядиться этими участками по своему усмотрению, например, может предложить отдать часть их жителям другого мужского дома. Кроме того, есть еще личное владение общинной собственностью (*meŋafo*), это прежде всего владение продуктами питания, пока они не приготовлены, а также небольшими участками земли. Собственность (*meŋafo*) наследуется частью мужского дома (*lipeaqe*). Когда пища сварена в земляной печи, она уже не находится в личном владении — все члены родовой общины имеют на нее право, и каждый из них может это право осуществить. Отдельная семья может, с разрешения родовой общины, взять в свое пользование небольшой участок земли; этот участок находится в ее пользовании все то время, пока она его обрабатывает. В личной собственности (*amfonka*) находятся: у мужчин — топоры, одежда, украшения, свиньи, у женщин — семейная хижина, растения на огороде (кроме ямса и сахарного тростника), утварь, циновки, костяные иглы, ожерелья из собачьих зубов.

Интересно отметить, что слова «моя собственность» могут иметь совершенно разное значение в устах одного и того же человека. Если папуас беседует с членом другого племени, «моя земля» — это территория его племени; с членом другой родовой общины — это участок его родовой общины; с членом другого мужского дома — это участок его мужского дома; с членом другой части мужского дома — это участок его части мужского дома; с членом той же части мужского дома — это участок его семьи (стр. 72). Солсбери в отличие от других буржуазных этнографов не спешит объявить посемейное владение земельными участками частной собственностью на эти участки (как это делали, например, Дэвидсон по отношению к австралийцам и Слек по отношению к ряду индийских племен Северной Америки), и в этом — большая его заслуга.

Главы 4-я «Косвенный контакт с европейцами» и 5-я «Прямой контакт с европейцами» весьма фрагментарны. Чувствуется, что автор, находясь среди сиане, этим вопросам не уделял специального внимания. Однако и здесь можно найти немало интересного. Совсем недавно, в 1953 г., т. е. на глазах у автора, сиане создали особый обряд, имеющий целью принять в родовую общину юношей, возвращающихся после работы по контракту. Сначала юноши рассматриваются как «горячие», их изолируют от женщин, а потом они постепенно «остывают» (стр. 28). В целом это весьма напоминает обряд посвящения. В этих главах содержатся интересные данные о возрастающей под влиянием европейцев роли «больших людей» (вожди деревень) и т. д.

Главы 6—9, сугубо теоретические, содержат весьма туманные рассуждения автора о «капитале» в экономике сиане. Под «капиталом» он понимает железные топоры, деревянные лопаты, костяные иглы и т. д. Все его рассуждения, конечно, носят весьма надуманный характер. У сиане нет не только капитала, но даже денег (попавшие к ним европейские деньги они носят в качестве украшений). Но одновременно автор приводит немало ценных данных. В частности, его данные о количестве труда, необходимого для изготовления мужского дома (186 человеко-дней), семейной хижины (8), каменного топора (6), женской сумки (3), мужской одежды (1) — весьма ценны, особенно потому, что этнографы такого рода материалами обычно не интересуются.

Автор отмечает, что в экономике сиане назревают изменения, которые, возможно, приведут к коренной перестройке их образа жизни. Речь идет о постепенном приобщении к товарному хозяйству. Хотя они слабо связаны с административным центром (Горока), где можно продать продукты земледелия (большое расстояние — 45 км, плохие дороги), тем не менее отдельные папуасы начинают разбивать на общинно-родовой земле небольшие индивидуальные огороды, урожай с которых предназначают для продажи на рынке. Предметы, купленные на вырученные деньги, они не склонны дарить или давать во временное пользование другим членам родовой общины. Товарное хозяйство порождает индивидуализм в производстве и потреблении, а чем больше оно будет набирать силу, тем слабее и беспомощнее будут выглядеть родовая община и стоящие на страже ее интересов обычаи и обряды.

Автор делает некоторые прогнозы о будущем сиане. Однако в своих прогнозах он исходит из предпосылки, что колониальный режим в Восточной Новой Гвинее будет существовать долгие годы. Так как эта предпосылка ошибочна, многие его рассуждения повисают в воздухе.

В целом книга Солсбери представляет большой интерес, и при критическом отношении к политическим и теоретическим взглядам автора может служить ценным источником.

Н. Бутинов